

Актер-психоаналитик Михаил Жигалов

Фото Ильи Воробьевой

М. Жигалов

Его любят инспектора ГАИ и милиционеры. Женщины всех возрастов и подростки. Зрители и коллеги. Он – редкий случай артиста, про которого практически не говорят гадостей.

А он не хочет быть знаменитым! Не то чтобы принципиально. Просто ничего не делает для того, чтобы раскрутиться. Не ходит на туловки, отказывается от интервью, не снимается в телепередачах. Не любит он этого дела.

При том, что мы – товарищи и, смею надеяться, близкие, в свою программу "Ночной полет" я его застаскивал практически силой. Такой вот странный по нынешним временам артист Михаил Жигалов.

Он очень любит рыбу ловить. Особенно зимой, когда температура где-то за тридцать. Сидеть в тумбе над лункой в одиночестве и ждать чуда.

Если по внешнему ряду судить, так в Жигалове вообще от рыбака больше, нежели от артиста. Например, в нем звездной болезни нет, и дух премьерства тоже отсутствует напрочь. К тому же, что

для артиста вообще нонсенс, – он вовсе не пьет. Правда, талант актерский в нем несомненен, трудоспособность – адская, известность – безусловная. А так, посмотришь на него, пообщашься – нормальный человек...

Он ведь и на артиста не учился как следует. Просто очень хотел им быть, для чего и посещал студию детского театра, а учился на инженера. Выучился. Работал. И однажды ему сказали, что посыпают его трудиться за границу на несколько лет.

Это сугубо радостное для любого советского человека известие Жигалова огорчило до чрезвычайности. Он понял, что если поедет за границу, то уже никогда – никогда! – не станет артистом. И он совершил поступок, немыслимый даже для нынешних времен, а для эпохи слабо скрипящего железного занавеса – практически подвиг. Жигалов отказался от загранки и стал работать сначала в студии, а потом и в самом Центральном детском театре.

А когда Галина Волчек начинала

репетировать пьесу Владимира Маятника "НЛО" – их познакомили. С тех пор вот уже больше двадцати лет Жигалов – артист Театра "Современник".

Во время нашей первой встречи с Михаилом Васильевичем он меня очень насторожил, но и весьма сильно заинтересовал. А дело было так.

В Театральном центре имени Ермоловой яставил свою версию пушкинского "Бориса Годунова". Спектакль был, в частности, про то, как народ, разочаровавшийся в Годунове, "переделывает" его в Самозванца. Прямо на глазах зрителей должно было произойти превращение одного царя в другого, то есть нужен был артист, который смог бы сыграть сразу обе роли.

Жигалов узнал об этой задумке, она его заинтересовала, и он пригласил меня встретиться с ним в Театре "Современник". Встретились. Пожали друг другу руки. После чего Михаил Васильевич долго и подробно начал объяснять мне, почему ему будет чрезвычайно трудно играть обе роли, а мне – чрезвычай-

но трудно будет с ним репетировать. При этом глаза его горели тем чуть-чуть сумасшедшим блеском, который всегда выдает в актере желание работать.

Уже потом я понял, что более всего на свете Жигалов боится быть в тягость. Хоть семье, хоть друзьям, хоть партнерам по сцене – неважно.

Скажем, в антрепризном спектакле "Персидская сирень" Жигалов работает в паре с Лией Ахеджаковой. Подчеркиваю: работает именно в паре, никогда не перетягивая на себя одеяло. Он вообще из тех артистов, для которых главное – не сыграть бенефисно, а чтобы спектакль состоялся как цельное действие. Его, артиста, никто вообще-то не просит отвечать за конечный результат, а он отвечает все равно, потому что по-другому ему неинтересно. Да и не умеет он по-другому.

Если сказать Жигалову: "Ты сыграл гениально, хотя спектакль-то, по совести сказать, так себе..." – он расстроится. Потому что ему, странному человеку, хочется, чтобы зритель, приходящий в зал, получал удовольствие, а не занимался оценкой игры отдельно взятых звезд.

В нашем "Борисе Годунове" было занято много молодых артистов. Вы бы видели, как Жигалов, который играл в спектакле две центральные роли, им помогал! Как точно подсказывал! Как искренне переживал за них! Вот ведь интересный какой артист: для него успех партнера – радость!

И в театре, и в кино он играл главные роли и эпизодические, хороших милиционеров и плохих преступников, в "Петровке, 38" чуть ли не первым в советском кино сыграл наркомана... Он играл в пьесах Шекспира и Чехова, Шиллера и Пушкина, Галина и Пушкиной... Но даже если он появляется на сцене или на экране на пять минут – всегда умудряется сыграть судьбу. То есть загадку. Я никогда не видел Жигалова одномерным и однозначным.

В фильме Иосифа Хейфица "Подсудимый" Жигалов грандиозно сыграл судьбу солдата Скулова. Пожалуй, сорок лет (если не больше) проживает его герой на экране, пронеся через все эти годы любовь к маленькой больной женщине. Чтоб не искать долго эпитеты и не мучить читателя занудливым пересказом сюжета, скажу просто: Жигалов играет воистину шекспировские любовь и страсть. Во время трагедии с подлодкой "Курск" эту картину без объявления показали, по-моему, на НТВ. И правильно сделали. Потому что в советском кинематографе не много найдешь таких чистых и возвышающих зрителя трагедий.

Жигалов – артист-исследователь. Он почему рыбаку любит и за грибами может легко отправиться эдак в четыре утра? Потому что

ему необходимо остановиться – оглянуться и подумать о чем-нибудь важном. О смысле жизни, например. Или о тайне человеческого существования. Без этого ему неинтересно ни жить, ни работать.

В знаменитом спектакле Галины Волчек "Три сестры" он играл Солнечного, мужчину с говорящей фамилией, непрятного во всех отношениях. Но Солнечный Жигалова – это был не плохой человек, но человек, у которого почему-то не получается быть хорошим. А это, согласитесь, две большие разницы. Жигалов использовал чеховскую роль не для демонстрации демонических качеств, а для того, чтобы понять: что заставляет человека постоянно воевать против целого мира? Что будоражит его душу до такой степени, что он становится способен на подлость и даже на убийство?

Сергей Яшин интересно и остроумно поставил на сцене "Современника" "Виндзорских насмешниц". В абсолютно комедийной, роскошной роли Форда Жигалов тоже не просто смешит, но комедийными методами исследует страсть и ревность. Делает это столь же ярко, сколь и глубоко...

Жигалов своим героям не прокорпорирует и не адвокат. Он им – близкий друг, а если модное современное словечко использовать, – он им психоаналитик.

В одной из последних премьер "Современника" "Играем... Шиллером" Жигалов сыграл непреклонного героя – Берли. Что такое мужественность? Почему мужественные люди столь часто бывают жестоки? Чем отличается целеустремленность от бараньего упорства? Вызывает ли уважение человек, сохраняющий верность даже тем идеалам, которые несут смерть? Вот какие вопросы психоаналитик Жигалов задает своему персонажу, и вот о чем он заставляет размышлять умного зрителя.

В последнее время очень модно говорить о традициях русского реалистического театра, о том, что они утеряны, забыты или преданы. Однако при этом забывается, что русский театр – в первую очередь исследователь человеческой души. Станиславский ведь занялся психоанализом, не зная Фрейда. Но лучшие спектакли того Московского Художественного театра – если верить книгам, а чего бы им не верить? – это были некие открытые психоаналитические сеансы, на которых зрителя чувствовал тончайшие движения человеческой души.

Для меня остается загадкой, как некоторые артисты – и Михаил Жигалов, безусловно, в их числе – сумели сохранить в наш антрепризный век стремление не к легкой демонстрации, а к весьма трудному исследованию.

А может, все-таки собраться да и поехать на рыбалку, а?

Андрей МАКСИМОВ